

А. И. Зудин

Вдовы, сироты, калеки, нищие в социальной структуре Кубанского Казачества

Положение кубанского казачества как военно-служилого сословия, выполняющего функцию пограничного кордона на южных рубежах Российской Империи, неизбежно предполагало высокий уровень потерь мужского населения. Следствием продолжавшихся десятилетиями конфликтов с горским населением, противостояния геополитическим противникам Империи на Кавказском военном театре, Гражданской войны, голодомора советского периода, по сути определивших содержание всей истории кубанских казаков, был постоянно высокий процент в казачьей среде так называемых социально обделенных (ущербных) категорий. Речь идет о лишенных своих кормильцев вдовах и сиротах, а также изувеченных калек. Но вместе с тем сформировавшийся в столь суровых условиях высочайший корпоративный дух выработал и надежный механизм социальной защищенности этих категорий населения, всегда обеспечивавший для них необходимый прожиточный уровень. Это относилось также и к одиноким беспомощным старикам и природным калек (дурочкам), никогда не оставляемым станичным обществом на произвол судьбы. Уроженец станицы Кавказской белоэмигрант Федор Иванович Елисеев в этой связи отмечал в своих воспоминаниях, что «среди казаков никогда не было нищих, так как самая дряхлая старость обеспечена была общественной заботой»¹.

В настоящем очерке мы попытаемся охарактеризовать положение в казачьем социуме каждой из таких социальных категорий, существующую систему их поддержки, общественную и

государственную, а также связанную с этими категориями систему традиционных взглядов и представлений.

Вдовы. Пожизненная воинская служба казаков и связанные с ней длительные пребывания в боевых походах приводили к тому, что все тяжести сельского труда и воспитания малолеток перекладывались на плечи казачьих жен. Такое положение способствовало формированию высокого статуса женщины в общеправовой системе отношений внутри казачьего социума. Тем более таким высоким статусом обладали вдовы, по обычному праву наследовавшие статус покойного супруга-хозяина. На законодательном уровне права вдовы ограничивались лишь в области земельного владения: предоставление в пользование половины земельного пая мужа. Однако если у ней имелся хотя бы один ребенок, то она сохраняла за собой полный пай, если более трех детей — два пая (до достижения сыновьями 17-летнего возраста или выдачи дочерей в замужество)². В случае повторного замужества вдова теряла право обладания паем покойного мужа³.

Именно поэтому далеко не всегда следует говорить о вдовстве как социальной ущербности применительно к казачьему обществу. Наиболее высок был статус пожилых вдов, являвшихся главами больших семейств и осуществлявших жесткое руководство ими. Даже в случае физической немощи они сохраняли за собой статус и права главы семейства, уступая старшему из сыновей только общинные функции (например, представительство семьи на станичном

¹ Елисеев Ф. И. Первые шаги молодого хорунжего. М., 2005. С. 53.

² Извченко Т. В. Попечительское дело в общине кубанских казаков // Проблемы историографии и истории Кубани. Краснодар, 1994. С. 156.

³ Елисеев Ф. И. Указ. раб. С. 53.

сходе)⁴. Старейшая жительница ст. Губской А. Д. Резниченко вспоминала свою семью: *«Вот это я хорошо помню. В нашей семье было двадцать два человека. И бабушкина мама была, старенькая уже. И её всегда на первое место. Была старшая да самого гроба. И так и померла. Она ничего не делала, а только приказывала. „Маминька, а что делать?“ „А куды надо идти?“ „А как что?“ Она пришла, а мать ей сказала: вот то, то надо делать»*⁵. По-видимому, такое положение существенно отличалось от общеправовой практики русских крестьян некоторых губерний, у которых авторитет отца в семье был непоколебим, а передача статуса главы была возможна только от отца к старшему сыну. По некоторым данным, оно сохранялось какое-то время и в станицах Кавказского линейного казачьего войска, чье население первоначально относилось к сословиям государственных крестьян и однодворцев (например, в ст. Темижбекской)⁶.

Положение молодых вдов определялось возможностью выбора: остаться в семье мужа, вернуться в семью родителей или выделиться самостоятельным хозяйством. Выбор обуславливался как объективными факторами, так и личным пожеланием невестки-вдовы. Оставаться в семье мужа невестку-вдову заставляло наличие у нее малолетних детей и невозможность вырастить их собственными усилиями, тем более если у невестки не было близких родственников, т. е. она была сиротой. Кроме того, по традиционным нормам женщина после замужества уже не принадлежала семье своих родителей, что, в частности, находило отражение в ритуале разрезания хлеба во время сватовства в случае согласия девушки на замужество (невеста — «отрезанный ломоть»). Поэтому далеко не всегда отец девушки имел желание (в том числе и по экономическим соображениям) принять ее назад. Менее всего затруднений для возвращения в семью родителей имела бездетная молодая вдова.

Наиболее распространенным и доступным способом отделения вдовы от родителей покойного мужа было ее выделение в самостоятельное

хозяйство. В этом случае по нормам обычного права свекор не мог чинить невестке-вдове препятствий. Более того, помимо возвращения приданого, он предоставлял ей необходимые средства для обзаведения хозяйством: крупный и мелкий рогатый скот, домашнюю утварь. Зачастую строил ей на новом участке хату или покупал уже готовый дом. Следствием отказа свекра выполнять эти обязанности перед невесткой-вдовой было осуждение его станичным обществом. Например, в ст. Калниболотской был зафиксирован случай, когда, даже восемь лет спустя, свекор был вынужден для своей невестки «поставить хатенку»⁷. Но в большинстве случаев выделение вдовы происходило по обоюдному согласию с семьей мужа, без конфликтов и взаимных обид. Зачастую для невестки-вдовы свекор строил дом на своем земельном пае, и между ними сохранялись близкие родственные отношения: *«Вот у Кати Дятковой. Она жила долго у свекровей... Но ей же без мужа не интересно со свекровями жить... И они отделили её как положено: и хорошую хатку построили, и коровку дали, и овец. Всё хозяйство ей дали. И также и присматривали. Сено дед косил, свёкор. Бабушка, если она на работе, идёт в обед управляет. Жили всё равно одной семьёй. Внуков подымали»*⁸.

Дальнейший жизненный сценарий вдовы предполагал повторный брак либо безбрачие. Выбор брачного партнера для женщины-вдовы, имеющей детей, ограничивался, как правило, кругом мужчин-вдовцов. В этом случае вдова была обязана соблюсти годовой обет безбрачия, связанный с полным циклом поминовения покойного супруга, после чего она получала благословение священника на повторный брак. По церковным канонам третий брак допускался в исключительных случаях. Такое представление нашло отражение в распространенной пословице: «Первый брак от Бога, второй от людей, третий от черта». Как правило, брак вдовы и вдовца был предельно минимизирован и ограничивался только церковным чином благословения второбрачных и застольем в кругу близких родственников, без соблюдения

⁴ Мануйлов А. Н. Статус женщины в общеправовой системе казачьей семьи и станичного общества на Кубани (вторая половина XIX — 20-е годы XX века). Армавир; Краснодар, 1998. С. 50.

⁵ Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции 2006 года. А/к № 3659, Краснодарский край, Мостовской р-н, ст. Губская. Инф.: Резниченко А. Д., 1912 г. р. Иссл-ль: Зудин А. И.

⁶ Мануйлов А. Н. Указ. раб. С. 45.

⁷ ПМ КФЭЭ — 2005. А/к № 3257, Краснодарский край, Новопокровский р-н, ст. Калниболотская. Инф.: Долженко Т. Г., 1920 г. р. Иссл-ль: Кузнецова И. А.

⁸ ПМ КФЭЭ — 2006. А/к № 3600, Краснодарский край, Мостовской р-н, ст. Костромская. Инф.: Зайцева В. С., 1938 г. р. Иссл-ль: Зудин А. И.

традиционного круга свадебных обрядов и ритуалов, исполнения обрядовых песен и приготовления обрядовой пищи (каравая, шишек и т. п.).

Наиболее тяжелым было положение одиноких вдов, престарелых и оставшихся с малолетними детьми. В этом случае далеко не всегда им хватало пропитания со своего земельного пая, в том числе и по причине физической невозможности обрабатывать его. Так, в 1894 г. на общественном сходе ст. Кореновской беднейшим жителем станицы была признана вдова погибшего казака Мария Пустовойтова. К ½ имеющегося земельного надела одинокой престарелой вдове был назначен пожизненный ежегодный пенсион в размере 10 рублей, выплачиваемый из общественных средств⁹. Очень часто общественная помощь являлась основным источником существования казачьих вдов.

Система государственной поддержки в виде ежегодного денежного пособия распространялась в первую очередь на вдов и сирот, «оставшихся после убитых в сражении и умерших от ран»¹⁰. Назначение пособий вдовам и сиротам казаков, умерших в мирное время, зависело от усмотрения Войскового правления. Как показывает анализ архивных дел об исходатайствовании денежного пенсионного, преимущество здесь имели офицерские вдовы. Назначение и размер выплат зависели от чина покойного мужа, оценки имеющегося имущества, количества малолетних детей (выплата дополнительного пособия на детей производилась до поступления сыновей на службу и до выхода дочерей в замужество), поведения вдовы и состояния ее здоровья. Для вдов нижних чинов по усмотрению Войскового правления предполагалась выплата единовременных пособий¹¹. В исключительных случаях ежегодное денежное пособие назначалось и им. Так, например, в 1845 г. вдове урядника г. Екатеринодара Татьяне Дьяченко было выдано свидетельство «в том, что Ей по недостаточному состоянию, обширному семейству и потому еще, что муж Ея прослужил в Войске

*при письменных делах Войсковой Канцелярии до двадцати лет и усердно и беспорочно и при сидячей жизни приобрел болезненные припадки, лишившие его возможности продолжать дальше таковую службу, от которой он напоследок умер, подлежит в выдачу из Войскового казначейства в пособие из капитала общественного призрения тридцати рублевого серебром в год оклада»*¹².

Одной из разновидностей общественной благотворительности в Кубанской области являлся денежный сбор посредством обноса ктиторов среди прихожан специальных церковных кружек. На «крайнюю неудовлетворительность сих сборов» указывалось, в частности, в определении Войскового начальства от 1863 г. с предписанием начальникам отделов «обратить особое внимание» на сбор этих денежных средств¹³. С 1876 г. деньги, собранные посредством церковных кружек, переходили в распоряжение Кубанского областного правления и были направлены на оказание помощи неимущим, не принадлежащим войсковому сословию¹⁴. А с выходом Положения об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утвержденного 3 июля 1891 г., призрение неимущих членов простого казачьего сословия возлагалось полностью на станичные общества¹⁵.

Наиболее распространенным видом общественной помощи вдовам были обработка ее земли и уборка урожая. По воспоминаниям старейших станичников, деятельное участие в оказании подобной помощи принимал станичный атаман: «Она идет до атамана и просит помощи. А вон знает атаман — кто как живет. Вот мне можно пойтить помочь — иди помоги. Обязательно атаман приказывал»¹⁶. В 1919 г. в разгар Гражданской войны атаманом Таманского отдела был издан указ о принудительной первоочередной помощи семьям фронтовиков, вдовам и сиротам в уборке хлеба. Уклоняющихся от этой обязанности станичников наказывали денежными штрафами¹⁷.

⁹ Кубанские областные ведомости. 1894. № 91.

¹⁰ Государственный архив Краснодарского края. Ф. 252. Оп. 5. Д. 117. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 19.

¹² ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 544. Л. 55.

¹³ ГАКК. Ф. 252. Оп. 5. Д. 117. ЛЛ. 506. — 6.

¹⁴ КОВ. 1894. № 70.

¹⁵ Положение об общественном управлении станиц казачьих войск // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1999. С. 171.

¹⁶ ПМ КФЭЭ — 2006. А/к № 3659, Краснодарский край, Мостовской р-н, ст. Губская. Инф.: Резниченко А.Д., 1912 г. р. Иссл-ль: Зудин А.И.

¹⁷ ГАКК. Ф. 1 о. а. ф. (объединенный архивный фонд). Оп. 1. Д. 543. Л. 10–11.

Иногда зерно выдавалось вдовам и сиротам из общественного фонда¹⁸.

Нормы христианской морали, являвшиеся основой социо-нормативных отношений в казачьем обществе, предопределили трепетное отношение ко всем несчастным и нуждающимся в посторонней помощи. Оказание повседневной помощи одиноким и престарелым вдовам являлось повсеместной нормой для казаков. Наиболее близкими людьми оказывались соседи. Помощь эта выражалась, помимо хозяйственного участия (обработка земли, заготовка дров и т. д.), и в виде предоставления продуктов питания. Широкое распространение среди казаков получила традиция тайной милостыни, т. е. оказание негласной помощи: *«Ещё мне мама рассказывала. Были там семьи — кто вдовушка, много детей остается — подвозили дрова, чтоб она и не видела, и не знала. Она вышла, а там дрова или сено лежит»*¹⁹. Особенно богоугодной считалась раздача скоромной пищи неимущим накануне главных православных праздников: *«На Пасху берёшь пасочку — бедной, у кого коровки нет. Я так делала сама, под Пасху в субботу. Я бывало так: открою белой мяса, солёного, и беру разношу по бабушкам по стареньким. Тогда было принято лапшичку варыли всегда на Пасху... И мяска разговейются, и лапшичку поедят. Молочко разносишь разговейся. Людям надо разговейся всем»*²⁰.

По-видимому, особое положение в станичном обществе занимали вдовы местных священников. Федор Андреевич Щербина в своих воспоминаниях описывал любопытный обычай «ильнувания» или «льнувания», существовавший в черноморских станицах. Содержание этого обычая состояло в добровольном подаянии продуктов питания местным населением вдове священника. Сбор осуществлялся осенью прислуживающей вдове «бабушкой», которая ходила по дворам станицы. В ст. Новодеревянковской средства,

собранные путем «ильнувания», шли на содержание «богадельни», учрежденной в станице вдовой священника (матерью Ф. А. Щербины) при собственном доме²¹. Об этом обычае вспоминали также старожилы ряда других станиц (Бузиновская, Саратовская).

Социо-возрастная категория вдов характеризовалась двойственным к нему отношением с точки зрения народной традиции. С одной стороны, она представлялась «анормальной»²², что, в частности, выражалось в запрете вдовам принимать участие в свадебном обряде, чтобы никто из молодых не разделил ее судьбу. Однако вместе с тем вдова наделялась признаками ритуальной чистоты, что повышало ее статус в глазах общины и закрепляло за ней выполнение ряда важных социальных функций²³. Чаще всего именно вдовы оказывались станичными «читалками» и лекарками, за ними закреплялась функция обмывания и обряжения покойника. Иногда старожилы кубанских станиц отмечали более высокий статусный уровень вдовы по отношению к девственницам (старым девам), сопровождая любопытными объяснениями: *«А ты знаешь, что вдова, если проживе еще двадцать пять лет или тридцать — выше девы. Дева ны знает еще тэ. А вдова она жила з мужем. Ей, знаетэ, очень трудно тэргэты... Вот там так и пышуть: вдова выше. Потому шо дывыца ны знает еще мужского нычёго, а вдова жила з мужем, зна»*²⁴.

Особой составляющей социальной структуры кубанских станиц являлись так называемые чернички (монашенки или монашки), которыми становились вдовы и старые девы. Зачастую эти женщины проживали в станице небольшим сообществом в отдельном доме, образуя особый духовный центр. Ведя монашеский образ жизни, они существовали на средства от рукоделия и добровольных подаяний. Л. К. Розенберг указывал на две важные общественные функции черничек: «замаливание чужих грехов и отправление

¹⁸ Воронин В. В. Отец в семье кубанских казаков: статус и функции // Памяти Ивана Диомидовича Попки: Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества. Краснодар, 2003. С. 176.

¹⁹ ПМ Научно-исследовательского центра традиционной культуры, 2006 г. А/к № 3473, Краснодарский край, г. Белореченск. Инф.: Теремьязева М. А., 1930 г. р. Иссл-ль: Зудин А. И.

²⁰ ПМ КФЭЭ — 2006. А/к № 3600. Краснодарский край, Мостовской р-н, ст. Костромская. Инф.: Зайцева В. С., 1938 г. р. Иссл-ль: Зудин А. И.

²¹ Щербина Ф. А. Моя Деревянковка // Родная Кубань. 2003. № 3. С. 19.

²² Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX вв.: половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С. 39.

²³ Гура А. В., Кабакова Г. И. Вдовство // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 293–297.

²⁴ ПМ КФЭЭ — 2001. А/к № 2337, Краснодарский край, Каневской р-н, ст. Челбасская. Инф.: Роменская А. А., 1928 г. р., читалка. Иссл-ль: Кузнецова И. А.

погребальной обрядности»²⁵, заключавшееся в чтении Псалтири по усопшим.

Трагизм и ущербность собственного положения осознавались самими вдовами, что находило отражение в сравнении собственной участи с участью кукушки («Вот такое мое кукованье»²⁶; «Так и кажут: „Кукуе сама“. Я ось сики, пятнадцать лет сама живу — кукую. Колы бувае заспеваешь. А колы спеваешь-спеваешь — начинаешь плакать. У то, кажут, кукуешь, плачешь. Во цэ так»²⁷), а также в текстах распространенных на Кубани так называемых «вдовских» песен («Во тереме тернистом...»). Оригинальный способ изменить вдовью участь зафиксирован в ст. Фастовецкой. Во время проведения Троицкого обряда «похорон кукушки» вдова, «чтобы похоронить свою вдовью жизнь», клала в приготовленное в дорожной пыли «гнездо» какую-нибудь из своих вещей (носовой платочек). После этого «гнездо» присыпалось наподобие могилы²⁸.

Таким образом, положение вдовы как в социальной структуре, так и в системе традиционных представлений кубанского казачества отличалось двойственностью. Правовая защищенность и высокий статус в семье при определенных обстоятельствах соседствовали с низким материальным положением, что позволяет говорить о женском вдовстве как социальной ущербности. В коллективных воззрениях высокий статус вдовы, связанный с ее ритуальной чистотой, сопровождался представлением о его аномальности, а также осознанием трагичности вдовьего положения на индивидуальном уровне.

Сироты. Еще одна категория, характеризующаяся как социально ущербная, и вместе с тем социо-возрастная, также свойственная казачьему социуму как массовое явление на протяжении всей его истории.

Терминология для обозначения сирот на территории Кубани в целом характеризуется однообразием. Как правило, респондентами выделяются две группы сирот: *круглые сироты* и получив-

шие наименование *полусирот (пол-сироты)*. Чаще всего круглыми сиротами называли детей, не имевших обоих родителей. Соответственно, ребенок, не имевший кого-нибудь одного из них, именовался «*полусиротой*». Очень часто термин «*круглая сирота*» употреблялся также по отношению к детям, лишившимся только матери («Если ни аца, ни матери — эта круглая сирата... А если мать памирла — эта тоже круглая сирата, биз матери. А если отец помер, мать асталась — палавина-сирата»²⁹). Тем самым подчеркивалась исключительная роль матери, превосходящая воспитательные функции отца, особенно в раннем детском возрасте. Отсутствие отца также маркировалось в лексике кубанских казаков терминами *безбатченки*, *безотцовщина* («Сукин сын Безбатченко — як называлы казаки нас, сират казака. Наш батько казак, и дедушка казак. И вот нас называлы: от сукины сыны Безбатченки. Поки мы выросли, тогда перестали нас называть»³⁰; или «Отец ушёл, мобилизовали во время русско-турецкой войны. Ну, там и остался отец. Погиб. Мы, значит, остались сиротами, ну шо: безбатченком був я. Пять лет мне было. Сукин сын безбатченков! Такие бывали выражения»³¹). Частое употребление этих наименований в негативном контексте, очевидно, было связано с представлением о высокой вероятности ненормативного поведения подростка при отсутствии отцовской опеки.

В условиях относительно нормальных социально-экономических обстоятельств в редких случаях оставшиеся без родителей дети находились без призрения станичного общества. По традиционным для восточных славян представлениям, функцию родительского воспитания должны были брать на себя крестные родители («вторые родители»). Чаще на их месте также оказывались ближайшие родственники сироты, как правило, родной дядька или тетка, дедушка с бабушкой. В дореволюционный период в этой

²⁵ Мануйлов А. Н. Указ. раб. С. 47.

²⁶ Бондарь Н. И. Кукушка (Материалы к этнокультурному словарю Кубани) // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры. Краснодар, 2002. С. 299.

²⁷ ПМ КФЭЭ — 2007. А/к № 3780. Краснодарский край, Кореновский р-н, ст. Журавская. Инф.: Кобзарь М. И., 1928 г. р. Иссл-ль: Зудин А. И.

²⁸ Бондарь Н. И. Указ. раб. С. 305.

²⁹ ПМ КФЭЭ — 2006. А/к № 3659, Краснодарский край, Мостовской р-н, ст. Губская. Инф.: Резниченко А. Д., 1912 г. р. Иссл-ль: Зудин А. И.

³⁰ Воронин В. В. Указ. раб. Краснодар, 2003. С. 176.

³¹ Матвеев О. В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII — начало XX века): категории воинской ментальности. Краснодар, 2005. С. 249.

ситуации оформлялось опекунство, согласно которому родительское имущество продавалось, а деньги от продажи поступали на сохранение опекуну и возвращались сироте по достижении совершеннолетнего возраста и отделении от семьи опекуна-родственника. При живой матери опекунство, как правило, не оформлялось. Однако в некоторых случаях вдова теряла право распоряжаться семейным имуществом, в основном по причине вторичного брака. Совершенно устранялись от попечительства вдовы, вышедшие замуж за иногородних, как не обладающих правом владения юртовыми наделами своих приемных детей, принадлежащих казачьему сословию³².

Для сирот, не имеющих близкой или способной на их попечение родни, как правило, на станичном сходе назначались опекуны из сторонних лиц. В основном ими являлись наиболее авторитетные, нравственные и экономически состоятельные станичники. Не занимаясь вопросами воспитания сирот, они были обязаны сохранить капитал от проданного имущества до достижения последними совершеннолетия. Более того, таким опекунам вменялось в обязанность отдавать эти средства в оборот на приращение процентов и преумножение, тем самым, сиротского капитала³³. На станичном сходе также определяли опекуну плату за труд³⁴. Как правило, распоряжение сиротским капиталом всей станицы доверяли одному или двум лицам³⁵. А с 1893 г. согласно циркулярному предписанию станичные сходы назначали трех опекунов — одного по имуществу и двух по капиталу³⁶. Согласно Положению об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утвержденному 3 июня 1891 года, станичному атаману и общественному сбору вменялось в обязанность наблюдение за действиями опекунов и в случае недобросовестного выполнения ими своих обязанностей их замену³⁷.

Не имеющие близких родственников сироты, а также дети многодетных вдов с восьмилетнего возраста отдавались в услужение зажиточным

казакам: мальчики — в работники, а девочки становились нянями малолетних детей (*«Няньчить детей наймали на год. За год давали тёлочку, одевали, кормили. Хлопцы были подпасками. Целый год жили. Брату тогда было лет пятнадцать...»*³⁸).

Собственно усыновления, как правило, устраивались безродные сироты, не имеющие никакого имущества, незаконнорожденные и взятые на воспитание из беднейших многодетных семей (*вскормленники, приёмшии*). У кубанских казаков усыновление таких детей считалось богоугодным делом. Многодетные и малоимущие семьи охотно отдавали детей на пропитание с последующим усыновлением зажиточным и бездетным казакам. В этом случае сирота получал фамилию усыновившего его казака и уравнивался в правах с другими членами семьи.

В более привилегированном положении находились сироты — дети казачьих офицеров, которые должны были воспитываться «прилично состоянию каждого». На сирот, живущих при матерях-вдовах или опекунах, выделялись денежные пособия из сумм войскового приказа общественного призрения. Сироты-подростки, кроме того, получали образование на казенный счет или счет частных благотворителей. В 1884 г. был открыт «Войсковой приют для девочек», сословно-привилегированное учреждение, находившееся в управлении Ведомства учреждений Императрицы Марии Феодоровны. В него принимались девочки-сироты 8–14 лет из войсковых семей. Воспитанницы войскового приюта обучались шелководству, ведению домашнего хозяйства и рукоделию. Для мальчиков-казаков было учреждено убежище Александро-Невского благотворительного общества³⁹.

Срок опекунства истекал с достижением сироты-хлопца семнадцатилетнего возраста и выдачей в замужество девушки.

В первом случае молодому казаку возвращалось его имущество: на выделенном для него паше ставилась хата и устраивалось хозяйство,

³² Неченко Т. В. Указ. раб. С. 158–159.

³³ Там же. С. 156–157.

³⁴ Там же. С. 161.

³⁵ ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 440.

³⁶ Неченко Т. В. Указ. раб. С. 161.

³⁷ Положение об общественном управлении станиц... С. 173–174.

³⁸ ПМ КФЭЭ — 1998. А/к № 1503, Карачаево-Черкесская республика, Зеленчукский р-н, ст. Сторожевая. Инф.: Якушова Е. Е., 1911 г. р. Иссл.-ль: Богатырь Н. В.

³⁹ Осипцева Л. Е. История благотворительных организаций Кубани (конец XIX — начало XX века): опыт изучения. Майкоп, 2003. С. 149–150. Для детей неказачьего сословия создавались отдельные учреждения: например, Убежище для бесприютных детей школьного возраста г. Екатеринодара (1906 г.), Убежище для призрения круглых сирот до 15 лет Православного братства св. Пророка Осии в г. Майкопе.

либо он получал в распоряжение сохранившееся родительское имущество. Дальнейший жизненный сценарий складывался следующим образом. По воспоминаниям казака ст. Кавказской Ф.И. Елисеева сироты по причине своей бедности обычно не привлекались на действительную службу и оставлялись станичным сбором в станице в качестве табунщиков, поскольку на снаряжение в кавалерию требовались значительные расходы. У самого Ф.И. Елисеева, в бытность его хорунжим, одностаничник «круглая сирота» Кирей Мазанов состоял на службе денщиком⁴⁰. В некоторых случаях снаряжение сироты на службу происходило на часть средств от проданного прежде родительского имущества⁴¹ или же на общественные средства⁴². Женитьба таких казаков по причине их бедности и одиночества происходила, как правило, на девушках примерно такого же состояния. Желанной партией они могли являться и для семей, где отсутствовали мужчины (кормилец или сыновья). В этом случае жених переходил на жительство в дом невесты. Наиболее употребляемым термином на Кубани в отношении этих казаков было слово «приймак», или же использовалось выражение «пойти в зятя» («В зятя пашёл, гаварили. И вон приходить — становница за хазяина. Он главой симьи становился»⁴³).

Поскольку на девушек казачьего сословия земля не выделялась, то опекунов над сиротой казачкой заканчивалось с выдачей ее в замужество. Её имущество в этом случае возвращалось в виде приданого: белья, хозяйственной утвари, крупного и мелкого скота.

Сама свадьба сироты отличалась особыми ритуалами. Один из необходимых компонентов сиротской свадьбы на Кубани — посещение кладбища невестой с целью просить у умерших родителей благословения. Время посещения могло приходиться на вечер накануне свадьбы (напр., ст-цы Тенгинская и Малотенгинская), но чаще это происходило утром в субботу после при-

глашения гостей на свадьбу, «*пад дивишник*» (ст. Костромская) или утром в день венчания, «*на заре*» («*зарёю*»). Невесту на кладбище сопровождали ее подруги. Стоя у могилы родителей, невеста просила у них благословения на брак. На могиле она оставляла свадебные «шишки» как приглашение на свадьбу. Обращение к умершим родителям происходило в форме плача-голошения, включающего в себя клишированные поэтические обороты: «*Да радимая мая мамачка, / Да вставайти ж да давайти парядачку, / Да мне ж ни нужна ваше ни злата ни сребро, / Да мне нужна ваше святоя благаславения...*»⁴⁴. В ряде населенных пунктов Кубани, преимущественно в линейных и закубанских станицах, исполнение причитаний происходило на фоне звучания «сиротской» свадебной песни⁴⁵. Иногда ее исполнение осуществлялось также по пути на кладбище (ст. Губская).

Отмечается приуроченность «сиротских» песен также и к другим моментам свадьбы. Ими могут быть различные ритуалы прощального характера вечером накануне свадьбы или утром свадебного дня. Например, известную в Закубанье «сиротскую» песню «*Сасна мая сасёнушка...*» в ст. Губской пели по пути на кладбище и в момент ожидания приезда жениха, когда невеста «сидела на посадке», т.е. в святом углу за столом. В той же ст. Губской «сиротская» песня исполнялась, «*кагда заплетают сирату*»⁴⁶. А в ст. Бесстрашной это происходило при встрече невесты на воротах, в момент ее возвращения домой от жениха в день проведения «вечера» (девишника)⁴⁷.

На Кубани фиксируется разнообразие сюжетов свадебных «сиротских» песен. Однако следует отметить их типологическое сходство. Для удобства характеристики поэтического текста «сиротской» песни его можно разделить на две части: зачин песни и ее кульминация. В зачине, как правило, фигурируют традиционные для переходных обрядов концепты: «вода», «ветер», «сосна»

⁴⁰ Елисеев Ф. И. Указ. раб. С. 61.

⁴¹ ГАКК. Ф. 418. Оп. 1. Д. 776. Л. 1.

⁴² Ивченко Т. В. Указ. раб. С. 159.

⁴³ ПМ КФЭЭ — 2006. А/к № 3600, Краснодарский край, Мостовской р-н, ст. Костромская. Инф.: Зайцева В.С., 1938 г. р. Иссл-ль: Зудин А. И.

⁴⁴ ПМ НИЦ ТК — 1989, Краснодарский край, Отрадненский р-н, ст. Бесстрашная. Инф.: Еременко А.М., 1919 г. р. Иссл-ль: Жиганова С. А.

⁴⁵ Следует учитывать, что в кубанской песенной традиции выделяется блок неприуроченной лирики, также именуемой исполнителями «сиротскими» песнями в связи с особенностями сюжета.

⁴⁶ ПМ КФЭЭ — 2006. А/к № 3659, Краснодарский край, Мостовской р-н, ст. Губская. Инф.: Караченцева М. А., 1939 г. р. Иссл-ль: Зудин А. И.

⁴⁷ ПМ НИЦ ТК — 1989. Краснодарский край, Отрадненский р-н, ст. Бесстрашная. Инф.: Еременко А.М., 1919 г. р. Иссл-ль: Жиганова С. А.

(«Ой, на заре, на море, на заре...», «Уш вы, ветры, ветры буйнае...», «Сасна мая, сасёнушка...», «Та ходыла тай Любонька по крутий гори/ Забачила, ой, сэлэзэнька на тихой води...»). Кульминация сюжета во всех вариантах сиротских песен сводится к приглашению умерших родителей на свадьбу. Это может быть прямое обращение («Расступыся, мать сыра зямля./ Раскались, раскались, грабавая даска./ А ты устань, устань, мой папінька./ А пасматри, пасматри, на родну дочиньку...»⁴⁸) или опосредованное через «подружек», «добрых людей» или природные стихии («Вы падуите, ветры буйнае, ойи,/ Наганите да тучи сильнае, ойи,/ Вы ударьте, громы громка(ва)е, ойи,/ Вы пайдите да дожди сил(и)на(ва)е, ойи,/ Размачите мать-сырую зем(ы)лю, ойи,/ Раскалите да гробовую доску, ойи,/ Разбудите да роднова батюшку, ойи...»⁴⁹). В черноморском поэтическом сюжете происходит диалог с умершим родителем: «Та плывы, плывы, сэлэзэнько, тыхо по води,/ Та прыбудь, прыбудь, мий батэньку, к бидной сыроtyи./ Ой, рад бы жи я та дитя моё, до тэбэ прыбудь,/ Та насыпаны сырой зэмлі на руки ж майи./ Ой, кланяйся, та дитя ж мое, чужый чужыни,/ Та ныхай дають порядочок бидной сыроtyи...»⁵⁰. В ряде кубанских вариантов песни «Сосна моя, сосёнушка...» покойные родители обращаются к Господу с просьбой посетить свадьбу дочери: «Мая матушка на неби молицца,/ Богу молицца, наземь просицца:/ Сопусти мне, Госпади,/ А пусти мне, Госпади,/ Пасматреть, как(ы) мая чада снаряженная!..»⁵¹

Одна из характерных особенностей свадьбы девушки-сироты — убранство ее головы, получающее особый ритуальный смысл. В ряде станиц полностью распущенные и связанные лентой в пучок волосы являлись признаком полного сиротства, заплетенные до половины — означали отсутствие одного из родителей, и, соответствен-

но, полностью косу заплетали девушке, имеющей обоих родителей.

Перед приездом жениха за невестой-сиротой, она получала благословение от воспитавших ее людей, крестных родителей или других близких и родственников. В ст. Смоленской сироту со двора выводила близкая ей пожилая женщина со словами «Бог благословит и я благословляю»⁵². Дальнейший ход свадьбы протекал по принятому в станице традиционному сценарию.

Особый статус сироты отражался в традиционном отношении станичного общества к «сиротской доле». Непростительным грехом считалось причинение сироте какой-либо обиды. По своей тяжести этот грех приравнивался к оскорблению родителей, вдовы («Ни абить вдаву, ни абить сирату, ни абить аца с матерью»⁵³). «Падбирёшь ты сиротские слёзы»⁵⁴, — говорили обидчику сироты. Большую роль в формировании и поддержании такого отношения к сиротам и другим обделенным категориям станичников играло местное духовенство.

Характер подлинной трагедии сиротство в казачьей среде приобрело в первой половине XX столетия в связи с известными событиями рассказывания, коллективизации, голодомора 1930-х гг. Тысячи детей высланных из родных станиц, убитых или погибших во время голода казаков оказались брошенными на произвол судьбы. В условиях экономической разрухи не каждый родственник мог позволить принять в свою семью одинокого сироту. Колхозы пытались бороться с беспризорностью путем создания в станицах детских домов. По воспоминаниям такого «детдомовца», старожилы ст. Дядьковской А. М. Мисько, в станице был устроен детский приют в доме высланного зажиточного казака, где находили прибежище во время голодомора до шестидесяти местных

⁴⁸ ПМ КФЭЭ — 1995. А/к № 775, Краснодарский край, Северский р-н, ст. Новодмитриевская. Инф.: Компаниец А. Т., 1917 г. р. Иссл-ль: Румянцева Г. В.

⁴⁹ ПМ КФЭЭ — 1991. А/к № 169, Краснодарский край, Мостовской р-н, ст. Баракаевская. Инф.: Назаренко М. С., 1911 г. р.; Меринова Е. А., 1911 г. р.; Трухова А. А., 1912 г. р.; Савченко М. И., 1925 г. р. Иссл-ли: Жиганова С. А., Куртаметова Ф. Н.

⁵⁰ ПМ КФЭЭ — 1990. В/к № 1/4. Краснодарский край, Тимашевский р-н, ст. Медведовская. Инф.: Фольклорный коллектив. Иссл-ль: Жиганова С. А.

⁵¹ ПМ КФЭЭ — 2006. А/к. Республика Адыгея, Гиагинский р-н, ст. Келермеская. Инф.: Новичихина В. А., 1940 г. р. Иссл-ли: Жиганова С. А., Сковорцова О. Ю.

⁵² ПМ КФЭЭ — 1995. А/к № 858. Краснодарский край, Северский р-н, ст. Смоленская. Инф.: Репко Е. Е., 1930 г. р. Иссл-ли: Ткач Е. В., Кирий О. А.

⁵³ ПМ КФЭЭ — 2006. А/к № 3656, Краснодарский край, Мостовской р-н, ст. Губская. Инф.: Двойникова Е. Д., 1921 г. р. Иссл-ль: Зудин А. И.

⁵⁴ ПМ КФЭЭ — 2006. А/к № 3600. Краснодарский край, Мостовской р-н, ст. Костромская. Инф.: Зайцева В. С., 1938 г. р. Иссл-ль: Зудин А. И.

ребятишек⁵⁵. *«И в тридцать пятом году решили: уже мы взрослые стали. Решили родить нас. У кого родственники, кто... Богато брали, у кого диты вымерли. Як за сына, за дочку... Мэнэ двоюродный брат взял. Вин — Мисько, и я — Мисько»*⁵⁶. По достижению совершеннолетия такие сироты выделялись в самостоятельные домохозяйства.

Несколько слов в рамках рассматриваемой темы следует сказать и об особой категории лишенных отцов детей, а именно **незаконнорожденных**. Достаточно разнообразная терминология, используемая на Кубани в отношении этой категории: *ба(й)стрюки*⁵⁷, *найдёныши*, *нагулянные*, *непутные*, *выблядки*, — свидетельствует об ее аномальности и низком статусе. Обусловлено это было, безусловно, негативным отношением в традиционном обществе к добрым связям девушки, получавшей в таких случаях название «покрытки». В дореволюционный период такие девушки подвергались общественному порицанию, вплоть до изгнания из станицы⁵⁸. Однако традиционное отношение к самим незаконнорожденным характеризовалось как двойственное. Несмотря на обидные прозвища, которые могли сопровождать этих детей всю дальнейшую жизнь, отношение станичников было в целом сочувственным: *«Этава дитёнка жалели, воспитывали... Панимаешь, младениц! Дитё ни при чём. Ни в коем случае абидить его нильзя. Ангилёнак»*⁵⁹. Как правило, противоположное к ним отношение проявлялось лишь на уровне одной возрастной группы, в детстве при общении со сверстниками. Такие дети причислялись к казачьему сословию, даже если они были «блудно нажиты» от иногородних, и наделялись равными с другими станичниками правами. В этом проявлялся значительный демократизм казачьих обществ в отличие от великорусских общин, где незаконнорожденный и его мать, кроме общественного порицания, зачастую становились изгоями и лишались какой-либо поддержки⁶⁰.

На Кубани в большинстве случаев такие дети получали фамилию деда по матери и отчество от крёстного отца в том случае, если оставались жить при матери⁶¹, либо же усыновлялись кем-нибудь из станичников. Ряд респондентов в кубанских станицах также отмечают значительное смягчение в отношении станичников к покрыткам и незаконнорожденным в советский период по сравнению с предреволюционным временем.

Калеки и душевнобольные — наиболее беспомощная категория людей, практически полностью утративших возможность самостоятельного существования, более известная в народной традиции под названием *убогие*.

Особенно велика была численность изувеченных калек мужского пола, что объяснялось фактически пожизненной воинской обязанностью казаков и близостью к зонам военных конфликтов. Эти люди были окружены особой заботой станичных обществ. По воспоминаниям Ф. А. Щербины, в его родной станице Новодеревянковской все калечные содержались дома в родных семьях, и случаи, когда они оставались в полном одиночестве без надлежащего надзора, были исключительны. И сохранялось такое положение не столько благодаря законодательству, обязывающему станичные общества опекать своих нуждающихся членов, сколько традиционно свойственному казакам как православным христианам высокому нравственному долгу перед «сырыми и убогими», а тем более своими боевыми товарищами, потерявшими в ратных делах физическую состоятельность.

Для престарелых воинов, «не имеющих жилья и семейств», в 1816 г. впервые на Кубани была сделана попытка учреждения инвалидного дома при Екатерино-Лебяжском Николаевском монастыре⁶². Однако первое время своего существования он пустовал, так как в большинстве черноморских куреней офицеры и казаки, увечные в бою с неприятелем, оставались «на своем пропитании, а желающих в инвалидный дом из оных не

⁵⁵ ПМ КФЭЭ — 2007. А/к 6/н. Краснодарский край, Кореновский р-н, ст. Дядьковская. Инф.: Мисько А. М., 1918 г. р. Иссл-ль: Зудин А. И.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ По предположению В. И. Даля слова бастрюк, байстрык, т. е. выродок, пригульный, небрачноорожденный, вероятно, производны от термина бастард. (См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1998. С. 53.)

⁵⁸ *«Вона родыла дытыня, и ии прѣдсѣдатель-атаман и батюшка зослалы. Вона выкормыла до году, отлучила от цыцкы, и сказал: собырайся, ухоть со станыцы, шоб ны було. Вона и пишла...»* — ПМ КФЭЭ — 2007. А/к № 3719, Краснодарский край, Кореновский р-н, ст. Дядьковская. Инф.: Хилько А. П., 1927 г. р. Иссл-ль: Кузнецова И. А.

⁵⁹ ПМ КФЭЭ — 2006. А/к № 3600, Краснодарский край, Мостовской р-н, ст. Костромская. Инф.: Зайцева В. С., 1938 г. р. Иссл-ль: Зудин А. И.

⁶⁰ Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — нач. XX в. Тамбов, 2004. С. 131.

⁶¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 837.

⁶² Там же. Ф. 250. Оп. 2. Д. 296.

оказалось»⁶³. Позже основным приютом для одиноких казаков-инвалидов станет Екатеринодарская войсковая богадельня. Предписанием Войскового правления от 1861 г. был утвержден порядок, устанавливающий правила поступления в богадельню, согласно которому «на присылаемых лиц войскового сословия для помещения в войсковую богадельню были прилагаемы общественные приговоры о том, что лица те, кои нуждаются в богаделенском помещении, не имея у себя ни дома, ни родственников таких, которые могли бы доставлять им пропитание, действительно стары или ранены, или покалечены, или же лишены ума и через то не имеют сил к дневному пропитанию»⁶⁴.

Однако при этом нередко были случаи, когда некоторые казаки изъявляли желание принять в свою семью такого убогого человека для постоянного попечения о нем. Вот пример из прошения отставного казака ст. Екатеринодарской Ивана Помазана в Войсковое правление (1864 г.): «Отставной казак ст. Новощербинской Антон Василенко в настоящее время находится на призрении в Екатеринодарской войсковой богадельне, которого я из любви к страждущим желаю взять к себе на всегдашнее жительство и призрение. Почему осмеливаюсь всепокорнейше просить распоряжения Войскового правления об отдаче мне из богадельни вышеупомянутого казака Антона Василенко на всегдашнее призрение»⁶⁵. После получения разрешения на призрение немощного благодетель обязывался его «кормить и содержать по смерти и до прошения милостыни не допускать»⁶⁶.

В архивных документах говорится о примечательном случае в ст. Переяславской, где местный сбор приговором определил в богадельню немощного одинокого старика после многолетнего коллективного ухода за ним. Старик несколько лет проживал в семьях приютивших его казаков, поочередно переходя из одной в другую⁶⁷. Подобная практика в прошлом подтверждается и полевыми материалами: «Даже если и живёт какая

старушонка, что у ней роду никакого нету, ничего... Вот я, например, живу на проулку: я сама себе и не обслужу, и ничего не сделаю. Вот они тогда собираются и берут её. Вот нынче в одном дворе она побыла, завтра ведут в другой двор. И так она улицу проходит туда-сюда. Докуда дошла — умерла. Значит, хоронить вся улица. Никаких ни домов, ни приютов, ничего не было. А люди и не бросали. И одежали, и покрывали, и всё делали»⁶⁸.

С 1891 г., согласно новому Положению об общественном управлении станиц, обязанность попечения таких лиц возлагалась целиком на станичное общество, которому они принадлежали. Станичный сбор следил, «чтобы престарелые, дряхлые и больные, не имеющие крова, обретали пристанище и успокоение»⁶⁹.

Особую категорию представляли умалишенные или душевнобольные. Л. К. Розенберг отмечал в своих наблюдениях, «что в каждой станице, селении, не исключая и немецких колоний, непременно найдется или душевно-больной, или хоть один „дурачок“»⁷⁰. Такая аномальность получала в традиционной культуре свое объяснение. Одной из причин душевного заболевания человека видели в Божьем наказании за грехи его родителей («Господне наказание»⁷¹). Подобное объяснение давалось врожденной умственной неполноценности. Сошедших с ума могли считать «испорченными» колдунами или недоброжелателями⁷². Колдовство нередко применялось в отношении молодых на свадьбе.

Несмотря на всеобщее сочувствие и жалость к «блаженным» со стороны станичников, повсеместно они становились объектом преследований и насмешек уличных мальчишек, которых за это родители подвергали строгому наказанию. Обидеть такого человека считалось «незамолимым грехом». Очень трогательный и вместе с тем характерный для традиционного отношения к душевнобольным пример приводит все тот же Л. К. Розенберг: «Проезжий мужик в ст. Лабинской стал кормить на базаре лошадей. Прохо-

⁶³ ГАКК. Ф. 250. Д. 296. Л. 64–64 об.

⁶⁴ Там же. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1481. С. 57 об.

⁶⁵ Там же. Л. 36.

⁶⁶ Там же. Л. 99.

⁶⁷ Там же. Л. 64.

⁶⁸ ПМ КФЭЭ — 1998. А/к № 1463, Карачаево-Черкесская республика, Урупский р-н, ст. Преградная. Инф.: Самолевич Н. И., 1920 г. р. Иссл-ль: Богатырь Н. В.

⁶⁹ Положение об общественном управлении станиц... С. 171.

⁷⁰ КОВ. 1901. № 184.

⁷¹ ПМ КФЭЭ — 2006. А/к № 3600, Краснодарский край, Мостовской р-н, ст. Костромская. Инф.: Зайцева В. С., 1938 г. р. Иссл-ль: Зудин А. И.

⁷² КОВ. 1901. № 184.

дивший в это время наш Аверьян... совершенно бессознательно подхватил из-под лошадиных морд сено и, как ни в чем не бывало, понес его с собой. Мужик, не зная с кем имеет дело, заподозрил его в краже корма, догнал и больно посек кнутом. Нужно было видеть отчаяние мужика, когда ему растолковали, что он был сумасшедшим. Он плакал, рвал на себе волосы и, бросившись к ногам обалделого от боли, неожиданности и страха душевнобольного, целовал его руки и все просил прощения, говоря, что Бог его за обиду тяжко накажет. В заключение отдал ему все бывшие при нем деньги и подарил свой зипун»⁷³.

По традиционным представлениям, умственная неполноценность компенсировалась безгрешностью таких людей, делала их в глазах народа Божьими избранниками, побуждающими его к состраданию и милосердию. Тем самым, укреплялась христианская мораль (*«Так говорили наши родители: если б не эти дети блаженные, то, может бы, и белого свету не было. Мы за их счёт живём. Господь их на земле держит. Так и говорили»*⁷⁴; *«Господь даёт, шоб мы каялись на этих людей, что они калеки. Вот надо их и соблюдать, и подавать. Это самая дорогая подавание, когда калек дашь»*⁷⁵). Собственно этим и объясняется этимология слов «убогий», «блаженный». Неслучайно блаженные являлись объектом особой заботы священнослужителей, зачастую дававших для них приют при местной церкви. В ст. Новодеревянковской в доме матери Ф.А. Щербины, являвшейся вдовой священника, находили прибежище люди, «которые были негодны к физическим работам по старости или по духовному убожеству и не имели ни своего пристанища, ни родни»⁷⁶.

Нищие. Выработавшийся за десятилетия надежный механизм социальной защищенности членов станичного общества максимально препятствовал процессу пауперизации и переходу малоимущих слоев казачества в разряд добывающих себе средства к жизни путем попрошайничества. Такому положению благоприятствовали также климатические условия и наличие плодородных земельных угодий. В этой связи

Кубань не знала такого развития нищенства, как, скажем, в Центральной России, где оно приобрело характер социального института, «когда нищенствовали не просто семьи, а села, и где относились к нищенству как к выгодному побочному промыслу»⁷⁷. По существу, это явление было аномальным применительно к казачьему сословию.

Тенденции к превращению нищенства на Кубани в массовое явление находились в тесной связи с переселенческими процессами второй половины XIX века и интенсивным освоением новых земель. В этот период Кубанская область становится одним из центров крестьянской колонизации, в которую были вовлечены и массы вынужденных переселенцев в результате голода и недородов в центральных губерниях России. Только в 1891 г. на Кубань прибыли предположительно 48 тыс. человек⁷⁸. Безусловно, значительная часть переселенцев относилась к потенциально нуждающимся людям. Тем не менее к 1897 г., по данным Всероссийской переписи, численность нищих, добывающих средства к существованию за счет собираемой милостыни, на Кубани была почти в два раза ниже среднего показателя по России: соответственно, 19 и 32 нищих на 10 000 жителей⁷⁹. Нищенствующие сосредоточивались в основном в городах и наиболее зажиточных отделах (казачьих округах) — Ейском и Лабинском.

Таким образом, распространение нищенства в кубанских станицах было связано с ростом иногороднего населения, к началу XX в. численно преобладавшего во многих из них. Зачастую социальная и правовая ущемленность иногородних, безземелье и другие факторы приводили к тому, что единственным источником пропитания для многих семей становился сбор милостыни. Например, на окраине ст. Ильинской в начале XX в. проживала целая группа иногородних семей, нищенствующих или занимающихся поденной работой. Местная старожилка М.И. Чернятина рассказывала о них со слов своего отца: *«От там Обжоровка, Обжоровка. Там яр был, и там тоже все галатреповцы,*

⁷³ КОВ. 1901. № 184.

⁷⁴ ПМ КФЭЭ — 2006. А/к № 3600, Краснодарский край, Мостовской р-н, ст. Костромская. Инф.: Зайцева В. С., 1938 г. р. Иссл-ль: Зудин А. И.

⁷⁵ ПМ КФЭЭ — 1998. А/к № 1463. Карачаево-Черкесская республика, Урупский р-н, ст. Преградная. Инф.: Самолевич Н. И., 1920 г. р. Иссл-ль: Богатырь Н. В.

⁷⁶ Щербина Ф. А. Указ. соч. С. 15–19.

⁷⁷ Оспищева Л. Е. Указ. соч. С. 164.

⁷⁸ Там же. С. 144.

⁷⁹ Там же. С. 147.

приезжие тоже, искали чем прожить. Вот мой дед сюда приехал, папын отец. У их симнацить детей было. Папу заставил отец пабираца. В общем слипова вадить. Он вадил, вадил ево, да грит: „Да на хрен он мне сдался“. Но ему уже тада было лет пятнацить. А тут глинище было, оно и до сих пор там в речке. И он взял и ево туда сталкнул, деда слипова, пришёл дамой, а папа говорит: „А дедушка иде?“ — „У глинищи“. Папый

папа: „Я тябе засяку!“ — „Да я лучше у работники уйду“. И ушёл к казакам в работники»⁸⁰. Зачастую данный промысел становился семейным и наследственным⁸¹.

Несмотря на сложные и противоречивые взаимоотношения казаков и иногородних, собственно, отношение к нищим не получило со стороны первых уничижительного характера. Воспитание молодого поколения у казаков в духе нищелюбия соответствовало общему для

Слепой музыкант с поводырем.
Кубанская область, г. Екатеринодар, 1909 г. Фотограф Д. Ермаков

⁸⁰ ПМ КФЭЭ — 2005. А/к № 3265, Краснодарский край, Новопокровский р-н, ст. Ильинская. Инф.: Чернятина М.И., 1920 г. р. Иссл-ль: Воронин В.В.

⁸¹ ПМ КФЭЭ — 2007. А/к № 3815, Краснодарский край, Выселковский р-н, ст. Бузиновская. Инф.: Топорец В.А., 1925 г. р. Иссл-ль: Зудин А.И.

русских воззрению на нищенство, сформировавшемуся в рамках общеправославной традиции. Отказать в милостыне или временном приюте бродячему нищему считалось большим грехом. Во многих станицах обязательной была раздача милостыни нищим «на помин души» в день Пасхи или на Родительский день (Провода). Чаще всего это происходило на кладбище⁸². Также повсеместным был обычай раздавать нищим одежду умершего человека в первые дни после его смерти. Раздача милостыни, в том числе одежды, в память умершего, по церковному преданию, облегчает его загробную участь. Также в народе имелось представление о прижизненном воздаянии за добродетельный образ жизни: «Ты будешь давать, и тебе Бог будет давать»⁸³; «Господь нам дал — значит надо дать людям»⁸⁴. Необходимость оказывать милостыню нищим связывалось также с устойчивым представлением о том, что в его образе землю может посещать сам Господь. В частности, это нашло выражение в бытовании на Кубани сюжетов некоторых легенд. Например: Иссл.: «А не говорили раньше старые люди, что Господь может ходить в таком образе?» Инф.: «Рассказывали. Вот идёт Господь. Женщины сидят: „Да, говорить, нам некогда!“ Идёт дальше — мужики сидят: „Ну, заходи, человечек, покурим“. Вот и Господь так дал — век некогда женщине. А мужику всегда время есть. Всё ей некогда, некогда, некогда»⁸⁵.

В народной терминологии обозначение нищенства на Кубани зачастую выражалось словами *старцы, старчики, старцювать*. Вероятно, что

синонимичность понятий «нищенства» и «старчества» возникла благодаря как традиционному нищелюбию русских, так и широкому распространению добровольного нищенства как формы христианского подвижничества, в том числе и в казачьей среде, что повышало социо-культурный статус данной категории людей⁸⁶. Народная традиция приписывает старцам характерную бытовую атрибутику: переметная сумка, посох. Признаком семейного промысла старца могло являться ношение нескольких сумок: «Если с покон вику, шо и дид, и баба у их старец були, и батько, и матэ, то три сумки носэ на собі»⁸⁷. Несмотря на этимологию слова, старцы/старчики не представляли одну возрастную категорию. Этим термином мог называться любой нищенствующий, в том числе и дети: «Бывает, что дети жили с бабушкой. А бабушка уже нетрудоспособная, старая, беспомощная. А они ходять просят: и сами едят, и бабушку кормят. Старчики их называли. Пускали их переночевать. Запустишь, покормишь, и они дальше пошли»⁸⁸.

Типичным для Кубани было и общерусское представление о нищем как возможном обладателе благодатного дара исцеления⁸⁹. В ряде станиц записаны случаи, когда старчик излечивает от смертельной болезни одного из членов семьи, приютившей нищего странника⁹⁰. Кроме того, он мог выступать в качестве грозного вестника, предупреждающего о наказании за несоблюдение церковных праздников: «У нас там в центре один жил. И вот он начал строить дом. И идет старец. А праздник какой-то был. Он говорит: „Молодой человек, не надо тебе

⁸² ПМ КФЭЭ — 2008. А/к № 3952. Краснодарский край, Горячеключевской р-н, ст. Суздальская. Инф.: Сандальчиди Н. М., 1940 г. р. Иссл-ль: Зудин А. И.

⁸³ ПМ КФЭЭ — 2007. Краснодарский край, Кореновский р-н, ст. Дядьковская. Инф.: Логвин М. Е., 1928 г. р. Иссл-ль: Зудин А. И.

⁸⁴ ПМ КФЭЭ — 2008. Краснодарский край, Усть-Лабинский р-н, ст. Новолабинская. Инф.: Щурова А. А., 1920 г. р. Иссл-ль: Зудин А. И.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Байбури А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. Л., 1990. С. 128.

⁸⁷ ПМ КФЭЭ — 2007. А/к № 3783. Краснодарский край, Кореновский р-н, ст. Журавская. Инф.: Кобзарь М. И., 1928 г. р. Иссл-ль: Зудин А. И.

⁸⁸ ПМ КФЭЭ — 2006. А/к № 3600. Краснодарский край, Мостовской р-н, ст. Костромская. Инф.: Зайцева В. С., 1938 г. р. Иссл-ль: Зудин А. И.

⁸⁹ Левкиевская Е. Е. Указ. раб. С. 409; Щепанская Т. Б. Мужская магия и статус специалиста (по материалам русской деревни конца 19—20 вв.) // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре. М., 2001.

⁹⁰ «Да вот даже я жила замужем. У меня дочечка народилась. Семь было месяцев — у ней напала дизентерия. Ну, что. Ничего мы не можем сделать. Уже она так — еле-еле стонет. Стучатся в двери. Я говорю: „Зайдите“. Заходит старчик нищий. Слабенький-слабенький. „Дочечка, подаждь, что Господь тебе послал на сегодняшний день, милостынку“. Я говорю: „Дедушка, проходите, проходите. Садитесь за столик“. „Да у вас же вот болеет. Что ж вы будете отвлекаться ко мне“. „Садитесь, дедушка, садитесь“. Сел. „Дочечка, а что с ней?“ Я говорю: „Дедушка, зубки режутся. Такой понос, что ничем не можем“. „Разбей яичко, шелуху эту посуши. Она быстро высохнет на солнышке. Разомни ее на муку, и ложечку чайную водички, и дай“. „Дедушка, она ж грудь сосет!“ „Ничё, ничё. Господь примет

этого делать в седнишний день, бо тебя ждет очень большая беда". Он: „Да, иди ты, дед!“ Заругался на него. Тот пошел: „Ну, гляди. Меня вспомнишь“. Через несколько дней... А у него сын работал шофером. И полез в яму машину ремонтировать. И голову — той. Вин пидсказал, шо смотри, в такой день — грех. А часто мы не сознаем эти праздники. Та! — надо то сделать. А после уже Бог наказывает нас»⁹¹. Представления о таких качествах нищего имели выраженный дидактический характер.

Как отмечают респонденты, нищенство (старчество) как социальный институт и явление традиционной культуры сходит на нет после Великой Отечественной войны. Широкое распространение нищенства относится ко времени голода 1930-х гг. XX в. и первым послевоенным годам. С современным нищенством прежние тра-

диционные представления, как правило, не связываются. Бомжи, попрошайки, цыгане противопоставляются станичниками институту старчества и вызывают опасение. Актуализируются социально-экономические и социально-политические мотивы в объяснении данного явления.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод о существовании эффективно-го механизма социальной защиты вдов, сирот, калек в казачьем социуме, высоком статусе этих категорий, закреплённом как на законодательном, так и обычноправовом уровне. Такое положение обуславливалось высоким сословным статусом самого казачества в Российской Империи, крепкими общинными традициями и православной моралью, являвшейся основой социо-нормативных отношений и традиционной системы ценностей кубанских казаков.

всё это". И что вы думаете! Моя дочечка жалкая. Я ее напоила утром. Она: а-а-а. А потом уснула. Утром уснула, и спала, наверное, до четырех часов дня. Муж с работы пришел, говорю: „Уснула. Вот так, — говорю, — дедушку приветила, так он мне посоветовал“. А он говорит: „Дуся-Дуся, да може, это Господь прислал нам человека“. Ага, проснулась. Просит есть язычком. Я так не стала ее поднимать, а вижу, что уже не течет из заднего прохода. То она без конца течет водичка. Ага. Переклонилась, а она грудь взяла, пососала, уснула. Как рукой сняло. Пошла моя дочечка. Вот так». — ПМ КФЭЭ — 2005. А/к № 3270. Краснодарский край, Новопокровский р-н, ст. Ильинская. Инф.: Сляднева Е. В., 1915 г. р. Иссл-ль: Кузнецова И. А.

⁹¹ ПМ КФЭЭ — 2007. А/к № 3815, Краснодарский край, Выселковский р-н, ст. Бузиновская. Инф.: Топорец В. А., 1925 г. р. Иссл-ль: Зудин А. И.

